

Истор. новости - 1927, - 8 февраль № 6.

с. 14.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

5 октября 1926 года в Художественном театре прошла премьера спектакля, с которым мы теперь привычно связываем понятие «легендарный» — «Дней Турбиных» Михаила Булгакова. Однако в лавине рецензий (к 1930 году их набралось 30 печатных листов), запечатлевших баснословный, скандальный успех постановки, нет описания самого хода спектакля, его словесного портрета. И театральному критику Анатолию СМЕЛЯНСКОМУ, который предпринял труднейшую попытку удостоверить легенду фактами, воссоздавая образ спектакля, пришлось опираться на «непрофессиональные» свидетельства очевидцев, наподобие записок скромного дежурного милиционера, влюбленного в исполнительницу главной роли.

Статья Смелянского «Обретение дома» была напечатана в журнале «Дружба народов» в 1985 году. Название получилось символическим. В недавно вышедшей книге Смелянского «Михаил Булгаков в Художественном театре» автор «Дней Турбиных» обрел свое истинное место в доме и в истории МХАТ — рядом с Чеховым и Горьким.

Главный режиссер МХАТ Олег Ефремов замечает в предисловии, что одних читателей порадует в книге Смелянского ее документальная насыщенность, другие оценят строгий и ясный стиль изложения театральных перипетий 20—30-х годов, третьи откроют для себя множество новых фактов творческой жизни булгаковских произведений. Все это так, и тем более справедлив главный вывод режиссера: честный и талантливый рассказ о человеческой и художественной судьбе укрепляет дух, сообщает творческий импульс.

Но честный рассказ рождает, вернее, подтверждает и другое, горькое чувство, которое неизменно сопутствует читателю Булгакова, чувство вины перед ним. Мы слишком поздно его узнали, слишком многое недодали ему при жизни.

Театр оказался смелее и прозорливее: он угадал в Булгакове своего автора 60 лет назад. Понадобились десятилетия, пишет Смелянский, чтобы «выгоды» и смысл «Дней Турбиных», первого советского спектакля МХАТ, обращенного к современности, стали очевидными. Стремление постичь переломную эпоху не на уровне лозунгов и «революционной халтуры» (слова Станиславского), а через раскрытие внутренних, выстраданных судеб человека по сей день учит мужеству говорить не только с залом, но со всей страной, без боязни обнажая самые драматические повороты в ее жизни.

Как известно, в основу «Дней Турбиных» лег роман Булгакова «Белая гвардия», рассказывающий о событиях гражданской войны. Вынесенная на сцену трагедия людей, утративших старые идеалы и мучительно обретавших новые, вызвала яростные нападки «левых» и «правых». Нисколько не упрощая характера этих ожесточенных споров, Смелянский в главе «Суд над «Белой гвардией» приводит Примеча-

тельные слова Луначарского, которые полезно помнить и в нынешних дебатах о перестройке сознания: «Я не верю, когда вижу, как в три сальто-мортале либерал превращается в коммуниста... Иногда это бывает порыв, а иногда хамелеоновская смена красок. Настоящий процесс — это смена веж, когда люди идут, приглядываясь к истории».

Приглядываясь к истории, увидим, что и «роман» писателя с театром, который автор книги называет романом всей его жизни, источником вдохновения и неутраченной болью, складывался трудно. Второе поколение мхатовских артистов считало «Турбиных» своей «Чайкой», но с ходом лет Булгакову едва ли не отказывалось в причастности к спектаклю. (Вспомним странное суждение Сталина, видевшего «Дни Турбиных» не менее 15 раз, что автор ни в какой мере «не повинен» в успехе пьесы). Не была выпущена следующая пьеса Булгакова «Бег», которую Горький называл «превосходнейшей комедией». После первых представлений снята «Кабала святош» («Мольер»), «Последние дни» («Пушкин») были показаны, когда драматурга уже не стало.

Рассказывая эту строго документальную, подтвержденную обширными архивными источниками историю, Анатолий Смелянский далек от того, чтобы обременять читателя готовыми оценками и выводами. Сам Булгаков, пишет он, сумел подняться над обидами и непониманием и увидеть свои отношения с Художественным театром с той широтой и свободой, когда «театральный роман» становится зеркалом историческим.

Хочется думать, что историческое зеркало, проясняясь, покажет ту высоту нравственной культуры, которая позволяет воздать должное всем, кто способствовал нашей духовной зрелости, нашей славе. Восстанавливая историческую память, книга Смелянского отстаивает такие приоритеты в искусстве, как талант и художественная правда, независимо от того, приятна она или нет. И, наверно, самой плодотворной будет мысль, пронизывающая книгу, о щедрости Мастера, чей гений нам преподнесет еще сюрпризы.

Ольга МАРТЫНЕНКО.